

Содержание

«Это все одна большая игра, и если наши старания не увенчаются успехом, мы пожалеем, что так много было поставлено на одну карту».....	5
--	---

Реляции тайного советника А. А. фон Крамма из Санкт-Петербурга брауншвейгскому герцогу Карлу I.....	48
---	----

№ 1. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	48
№ 2. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	54
№ 3. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	66
№ 4. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	73
№ 5. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	78
№ 6. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	84
№ 7. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	90
№ 8. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	95
№ 9. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	103
№ 10. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	107
№ 11. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	111
№ 12. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	126
№ 13. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	128
№ 14. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	132
№ 15. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	139
№ 16. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	144
№ 17. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	148
№ 18. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	155
№ 19. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	159
№ 20. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	162
№ 21. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	173
№ 22. А. А. фон Крамм герцогу Карлу I.....	177

Приложения.....	185
№ 1. Письмо А. И. Остермана А. А. фон Крамму	185
№ 2. Х. Ф. Гросс (?). Размышления о преимуществах, возникающих при продвижении свадьбы его светлости принца Антона Ульриха.....	189
№ 3. Перечень драгоценностей, приобретенных в связи со свадьбой принца Антона Ульриха с принцессой Анной Леопольдовной в 1739 г.	192
№ 4. Перечень отправленных по морю из Любека в Санкт-Петербург лиц, лошадей и вещей	195
№ 5. Список свиты А. А. фон Крамма, отправленной в Санкт-Петербург по суше	197
№ 6. А. А. фон Крамм. Описание свадебной церемонии между Антоном Ульрихом и Анной Леопольдовной.....	199
№ 7. Расшифровка зашифрованных в переписке брауншвейгских дипломатов географических местностей, известных лиц и титулов	238
Именной указатель.....	243

«Это все одна большая игра, и если наши старания не увенчаются успехом, мы пожалеем, что так много было поставлено на одну карту»

I

«Я здесь сталкиваюсь с большими трудностями в передвижении, поскольку не нашлось ни одного ямщика, который решил бы везти по пляжу в глубоком песке большие и тяжело нагруженные багажные кареты»¹, — написал тайный советник Август Адольф фон Крамм 28 апреля 1739 г. из Кенигсберга герцогу Брауншвейгскому Карлу I, чьим посланником в Россию он являлся. Десятью днями ранее он покинул резиденцию герцога в сопровождении своего младшего родственника, камер-юнкера фон Крамма, четырех кавалеров и пажей, двух секретарей и 16 слуг. В последующие дни они успели проехать Берлин, Старгард, Козлин и Данциг; впереди еще лежали Мемель, Митава и Рига. Также из Любека в Санкт-Петербург следовал корабль, нагруженный обернутыми матами и покрытыми клеенкой дощатыми ящиками, штатс-каретами и двумя кортежами лошадей из семи гнедых жеребцов и такого же количества серых в яблоках лошадей. Последние являлись редкостью в России и особо ценились императрицей. Это все было связано с тем, что в мае 1739 г. в новой столице империи должна была состояться долгожданная свадьба принца Антона Ульриха (1714–1774), младшего брата герцога Брауншвейгского Карла I, с Анной Леопольдовной, племянницей императрицы Анны Иоанновны.

---

¹ NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 279. Bl. 57 v.

Нельзя сказать, что А. А. фон Крамм испытывал приятное предвкушение. Предстоящее пребывание при русском дворе для него должно было быть вторым: с 1727 по 1731 г. ему уже довелось представлять интересы брауншвейгских герцогов в России. Перед отправкой в 1739 г. фон Крамм жаловался, «что теперь, будучи на двенадцать лет старше, чем в прошлый раз, предпринять такую далекую поездку является большим риском»². При этом ему внушал тревогу не только суровый климат. Он опасался, что и на этот раз его на длительное время задержат в России по инициативе графа Андрея Ивановича Остермана, вице-канцлера и ответственного за внешнюю политику Российской империи лица. В своих письмах, отправленных из поездки герцогине-матери Антуанетте Амалии и брауншвейгскому легационс-секретарю Христофу Фридриху Гроссу в Санкт-Петербурге, фон Крамм не оставил никакого сомнения, что покинуть Россию он желает ни одним днем позже, чем завершатся торжества.

В Европе Старого режима, где монархия являлась самой распространенной формой правления, физическое воспроизводство правителей было важным элементом политической системы государства. Более того, брачные союзы монархов имели значение не только для внутренней политики. Они также были важной частью внешней политики, о чем в XVIII в. регулярно напоминали так называемые войны за наследство. В этом отношении внезапная смерть Петра II в январе 1730 г. не только вызвала династический кризис³, но и не самым благоприятным образом отразилась на российской внешней политике, предполагавшей ориентацию на союз с Австрией, активным сторонником которого являлся как раз А. И. Остерман. Дело в том, что Петр II был не только внуком Петра I. Он также был сыном принцессы Шарлотты Кристины, чья старшая сестра Елизавета Кристина, происходившая из династии Вельфов, была с 1708 г. замужем за австрийским императором Карлом VI.

---

² NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 259. Bl. 46 v. — 46 г.

³ См. о событиях 1730 г.: *Курукин И. В.* Анна Иоанновна. М., 2014. С. 4–95; *Курукин И. В., Плотников А. Б.* 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.

Вельфы были одной из старейших европейских династий. В результате нескольких разделов ее владений, расположенных на территории между реками Эльба и Везер, зародились княжества Люнебург, Каленберг, Геттинген, Грубенгаген и Вольфенбюттель. Из последнего возникло княжество Брауншвейг, а остальные объединились в курфюршество Ганновер. С 1634 г. правившей в Вольфенбюттеле являлась линия Брауншвейг-Люнебург-Данненберг, и когда ее главная ветвь прервалась в 1735 г., власть перешла к герцогам из побочной, до сих пор не суверенной линии Брауншвейг-Беве́рн.

После смерти бездетного Рудольфа Августа (1627–1704) герцогство Брауншвейг-Вольфенбюттель возглавил сначала его младший брат Антон Ульрих (1633–1714) и затем Август Вильгельм (1662–1731), старший сын последнего. Младшему же брату, Людвигу Рудольфу (1671–1735), было выделено самостоятельное с 1707 г. княжество Бланкенбург. Именно дочерьми Людвиг Рудольфа и были упоминавшиеся Елизавета Кристина и Шарлотта Кристина. Поскольку Август Вильгельм умер, не оставив наследников, а у его преемника Людвиг Рудольфа не было сыновей, правящим герцогом в марте 1735 г. стал происходивший из линии Брауншвейг-Беве́рн Фердинанд Альбрехт II (1680–1735), муж Антуанетты Амалии (1696–1762), младшей дочери Людвиг Рудольфа. Фердинанд Альбрехт II, однако, умер уже в сентябре 1735 г., и власть была передана его старшему сыну, упоминавшемуся Карлу I (1713–1780)⁴.

Новая российская императрица Анна Иоанновна, взошедшая на престол в 1730 г., была бездетной, а ближайшим родственником, с которым связывались перспективы престолонаследия, была ее совсем юная племянница мекленбург-шверинская принцесса Елизавета Катарина Кристина (1718–1746), она же Анна Леопольдовна после принятия православия в 1733 г. В сложившейся ситуации 17 декабря 1731 г. при участии А. И. Остермана был принят манифест, по которому подданные были обязаны принести присягу

---

⁴ *Hohnstein O.* Geschichte des Herzogtums Braunschweig. Braunschweig, 1908. S. 364–393.

в верности некоему наследнику, который будет назначен Анной Иоанновной⁵. Кроме того, приближенные Анны Иоанновны активизировали свою деятельность по поиску достойного и отвечающего российским интересам жениха для племянницы императрицы, от брака с которой должен был бы родиться наследник российского престола. В итоге принц Антон Ульрих, внучатый племянник герцога Брауншвейгского (с 1731 г.) Людвига Рудольфа (1671–1735), чья дочь была замужем за австрийским императором Карлом VI, был признан одним из наиболее подходящих кандидатов в женихи.

В ночь на 14 февраля 1733 г. Антон Ульрих прибыл в Санкт-Петербург: официально, чтобы руководить полком, а по факту на смотрины в качестве жениха. Последний этап пути из Риги в российскую столицу, поскольку императрица желала принять его в свои именины, Антон Ульрих преодолел в спальных санях; при дворе всем не терпелось познакомиться с принцем. В последующие недели Антона Ульриха готовили к его будущей роли: ему назначили план обучения (тот же самый, составленный по просьбе А. И. Остермана профессором местной Академии наук Бернхардом Билфингером несколько лет назад, по которому должен был учиться император Петр II), учителей, а также занятия русского языка. Менее гладко, к разочарованию принца, которого в том числе заманила в Россию перспектива командовать собственным полком, прошло его устройство на военную службу. Обещанный ему полк, так называемый Бевернский кирасирский, еще не был должным образом укомплектован как людьми, так и лошадьми. Лошадей, которые могли бы нести всадников с тяжелой амуницией, еще предстояло перегнать из Пруссии. В первое время Антон Ульрих довольствовался гостевой программой. Фельдмаршал Б. Х. Миних приглашал его на строевые занятия кирасирского полка, а на открытом собрании профессоров, состоявшемся в Академии наук, ему разрешили участвовать в физическом эксперименте. До офи-

---

⁵ ПСЗ. Т. 8. № 5910; *Лыцова А. С.* Роль графа А. И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е — начале 1740-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (22). С. 152.

циального принятия на русскую службу принцу выделили для покрытия текущих расходов сумму в размере 2000 руб., предоставили экипаж из императорской конюшни. Обедал он вместе с императорской семьей. В целом все, казалось бы, шло по плану. Принц и принцесса вели себя оперативно: они развлекались карточной игрой, отправлялись на прогулки, беседовали, в том числе, в соответствии с советом отца принца, и на русском языке, открывали балы. Тем не менее помолвку и свадьбу отпраздновали только летом 1739 г., спустя больше шести лет после прибытия принца в Россию. «Главному делу», как брауншвейгские дипломаты называли брачный проект в своей переписке, грозило поражение из-за вмешательства конкурирующих придворных партий, а также из-за несовместимости характеров и темпераментов самих принца и принцессы. В итоге мероприятие удалось завершить, лишь приложив немалые дипломатические усилия⁶.

II

Русско-брауншвейгские династические связи породили двух российских императоров — Петра II (1715–1730), появившегося в браке Алексея Петровича с Шарлоттой Кристиной Софией, и первенца Антона Ульриха и Анны Леопольдовны Ивана VI (1740–1764), традиционно именуемого Иоанном Антоновичем.

Внимание исследователей, прежде всего, было сосредоточено на последнем из названных брачных союзов. В немалой степени это обусловлено его трагическим концом. Как известно, дворцовым переворотом 25 ноября 1741 г. закончилось, едва успев начаться, правление Вельфов в России, после чего брауншвейгское семейство ждала печальная участь. Однако это не единственная причина; не меньший интерес вызывает во многом «атипичное» течение событий, связанных с заключением брака. Оно растянулось,

---

⁶ *Lewin L. Herzog Anton Ulrich der Jüngere in Rußland bis zu seiner Verbannung (1733–1741) // Braunschweigisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Bd. 77. 1996. S. 221–246.*

как можно предположить, вопреки расчетам и ожиданиям ее инициаторов, почти на целое десятилетие, так что законодательное оформление начатого свершилось лишь 5 октября 1740 г., когда Анна Иоанновна незадолго до смерти расписалась под сочиненным А. И. Остерманом манифестом, определившим Иоанна Антоновича наследником⁷.

История брачного проекта 1732–1739 гг. весьма неплохо известна благодаря Л. И. Левину, который изучал в течение трех научных стажировок в 1995–1997 гг. в вольфенбюттельском отделении Государственного архива земли Нижняя Саксония переписку вольфенбюттельского и бланкенбургского дворов за 1731–1742 гг. Особое внимание историк уделил докладам брауншвейгского легационс-секретаря (секретаря посольства) Христофера Фридриха Гросса. Последний отправил в период 1731–1741 гг. не менее 300 докладов (реляций) правящим в Вольфенбюттеле герцогам Людвигу Рудольфу (с марта 1731 г. по март 1735 г.), Фердинанду Альбрехту II (с марта по сентябрь 1735 г.) и Карлу I (с сентября 1735 г.); его перу также принадлежат 404 письма, адресованные тайному советнику Августу Адольфу фон Крамму⁸. Сами источники Л. И. Левин, к сожалению, не опубликовал. Тем не менее результаты его исследований нашли отражение в ряде сочинений, изданных им на русском и немецком языках. Сюжеты двух из них непосредственно посвящены истории брачного проекта —

---

⁷ Курукин И. В. Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки // Отечественная история. 1997. № 5; Омельченко О. А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения. 2006. Вып. 7. М., 2007; Лыццова А. С. Роль графа А. И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е — начале 1740-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (22); Лыццова А. С. «Для суще постоянного, безопасного и благополучного... нашего Отечества пребывания»: поиск путей решения кризиса престолонаследия в России в 1741 году // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1 (21); Киселев М. А. «По правам всего света»: легитимация дворцового переворота 1741 г. и проблема законности воцарения Елизаветы Петровны // Россия XXI. 2017. № 5.

⁸ NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 221, 224, 254–259, 271; 1 Alt. 22. Nr. 786–788.

это вышедшая в 1996 г. в журнале «Braunschweigisches Jahrbuch für Landesgeschichte» статья «Herzog Anton Ulrich d. J. in Rußland bis zu seiner Verbannung (1733–1741)» («Герцог Антон Ульрих младший в России до момента его ссылки (1733–1741)»), а также написанная в развитие названной статьи монография «Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих» 2000 г.⁹

Кроме Л. И. Левина, историки практически не обращались к переписке брауншвейгских дипломатов, и, что касается предыстории, описания и анализа брачного проекта 1732–1739 гг., его работы до сегодняшнего дня не утратили своей монопольной позиции. Они по-прежнему служат основным источником для историков — как для немецких, так и для российских — при описании данной темы¹⁰. Работы Левина, несомненно, ценны. Однако, поработав с документами, содержащими переписку между Санкт-Петербургом и Вольфенбюттелем, он, возможно, был чрезмерно впечатлен самим объемом источникового материала, в связи с чем обратился к посланиям из Санкт-Петербурга как к одному единственному комплексу вместо того, чтобы изучать их в отдельности,

---

⁹ *Lewin L. Herzog Anton Ulrich der Jüngere in Rußland bis zu seiner Verbannung (1733–1741) // Braunschweigische Jahrbuch für Landesgeschichte. Bd. 77. 1996. S. 221–268; Левин Л. И. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих. СПб., 2000. См. также второе издание этой книги, в некоторых главах которой автором были «сделаны небольшие добавления»: Левин Л. И. Генералиссимус зарыт в Холмогорах. История «Брауншвейгского семейства» в России. Архангельск, 2019.*

¹⁰ *Анисимов Е. В. Иоанн VI Антонович. М., 2008; Курукин И. В. Анна Леопольдовна. М., 2012; Bei der Wieden B. Wolfenbüttler und Blankenburger Gesandte in Sankt Petersburg // Russlands Blick nach Nordwestdeutschland. Politisch-dynastische Beziehungen vom 16. bis zum frühen 20. Jahrhundert im Spiegel von Dokumenten aus dem Niedersächsischen Landesarchiv / Hg. G. Steinwascher. Göttingen, 2018. S. 86–102; Fimpel M. Braunschweig-Wolfenbüttel auf dem Zarenthron — Erfolg und Scheitern Anton Ulrichs des Jüngeren (Vater des Zaren Iwan VI) // Russlands Blick nach Nordwestdeutschland. Politisch-dynastische Beziehungen vom 16. bis zum frühen 20. Jahrhundert. S. 71–85; Lavrentev A. V. Prinz Anton Ulrich in Rußland bis zum Sturz des Hauses Braunschweig // Braunschweigische Fürsten in Rußland in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts / M. v. Boetticher (Hg.). Göttingen, 1998. S. 92–149.*

сопоставляя друг с другом. Вероятно, именно такой подход привел исследователя к несколько упрощенному выводу о том, что в 1734–1738 гг. Х. Ф. Гросс в своей переписке перестал упоминать брачный проект¹¹. Однако это верно только частично. Тема исчезла из официальных докладов, адресованных герцогам, в то время как А. А. фон Крамма Гросс продолжал информировать о возможностях, успехах и неудачах «главного дела». Кроме того, в работах Левина подчеркивается деятельность легационс-секретаря Х. Ф. Гросса, но вопрос, по какой причине и по чьей инициативе тот регулярно отчитывался перед тайным советником фон Крамом о продвижении проекта, остался неосвещенным.

Христоф Фридрих Гросс (1686–1742) являлся «службой двух господ». Будучи профессором моральной философии в университете при Академии наук в Санкт-Петербурге, он во второй половине 1727 г. принял приглашение А. И. Остермана жить в его доме в качестве его личного секретаря и наставника сыновей¹². С этого времени их пути больше не расходились. После поступления на брауншейгскую дипломатическую службу и связанного с этим увольнения из Академии наук в феврале 1731 г. Гросс не покинул А. И. Остермана. Соответственно, Гросс успел пожить в Москве, куда он сопроводил семью А. И. Остермана в январе 1728 г., и затем в Санкт-Петербурге, с момента возвращения двора в Северную столицу весной 1732 г. до 11 января 1742 г., когда, находясь под арестом в связи с событиями 25 ноября 1741 г., он застрелился в остермановском доме. Пространственная близость — тем более что влиятельного чиновника, занявшего посты вице-канцлера и кабинет-министра, Остермана, и бывшего профессора Академии наук объединяли выходящие за рамки застольной компании взгляды и увлечения — способствовала возникновению ситуаций устойчивой неформальной коммуникации. Тесное общение двух незаурядных личностей, знатоков и приверженцев передовых пра-

---

¹¹ *Lewin L.* Herzog Anton Ulrich der Jüngere in Rußland bis zu seiner Verbannung. S. 232.

¹² *Eichhorn C.* Die Geschichte der “St. Petersburger Zeitung“, 1727–1902. Zum Tage der Feier des 175-jährigen Bestehens der Zeitung, dem 3. Januar 1902. St. Petersburg, 1902. S. 17.

вовых и философских мыслей раннего Просвещения дало повод к спекуляциям об участии и степени вовлечения Гросса в действия, касавшиеся брачного проекта. В связи с этим Л. И. Левин высказывал предположение, что в частично зашифрованной переписке Гросса кроется ключ к не до конца изученным остермановским планам о престолонаследии. Их знание делало брауншвейгского легационс-секретаря носителем государственной тайны, из-за чего тот якобы предпочел суицид аресту¹³. Мысли о «всезнающем» Гроссе, умевшем, в отличие от большинства иностранных дипломатов того времени, говорить и писать на русском, были недавно высказаны в монографии о брачных отношениях между Вельфами и членами русского двора, подготовленной сотрудниками вольфенбюттельского отделения Государственного архива земли Нижняя Саксония¹⁴.

Однако не следует преувеличивать степень информированности Х. Ф. Гросса. Конечно, после увольнения из Академии наук у него сохранились профессиональные связи. Он продолжал следить за публикацией книг, состоял в переписке с библеистом и теологом Иоанном Альбрехтом Бенгелем, которому помог с изданием Нового Завета¹⁵. Гросс обеспечивал А. А. фон Крамма гравюрами карт, восточными вазами и, прежде всего, монетами. Собственно, нумизматика была тем их совместным увлечением, на основе которого они познакомились в конце 1720-х гг. во время первой поездки фон Крамма в Россию¹⁶. Однако о каких-нибудь формах прямого участия в придворной жизни — балах, карточных играх на куртагах и иных потворствовавших неформальному общению мероприятиях — переписка Гросса содержит мало свидетельств. Помимо скромных должности и происхождения, легационс-секретарь был единственным недворянином среди брауншвейгских

---

¹³ *Левин Л. И.* Ученый и дипломат Христиан Фридрих Гросс по письмам и документам // Немцы в России: российско-немецкий диалог / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 2001. С. 16–21.

¹⁴ *Bei der Wieden B.* Wolfenbüttler und Blankenburger Gesandte. S. 99–100.

¹⁵ Там же. С. 97.

¹⁶ NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 253. Bl. 5 r.

посланников — определенную роль играло сначала и хроническое недофинансирование членов брауншвейгской дипломатической миссии. В письмах фон Крамму Гросс упоминает не только свое зависимое от благосклонности А. И. Остермана положение в вопросах жилья и довольствия, но и то, что у него не хватало денежных средств ни на карету, ни на надлежащее оснащение, которое могло бы позволить ему влиться в Санкт-Петербургское светское общество¹⁷. Позже к этому прибавились проблемы со здоровьем. Гросс не переносил Санкт-Петербургский климат, заболел туберкулезом, в связи с чем экспериментировал в лечебных целях с сельтерской водой, которую ему доставляли из Германии через иностранных купцов¹⁸. От участия в брачных празднествах в июле 1739 г. он отказался¹⁹, и фон Крамм по прибытии в Санкт-Петербург, явно обеспокоенный его состоянием, предложил брауншвейгскому герцогу отозвать Гросса из России, так как всякое продолжение пребывания последнего в стране оказалось бы для него, как фон Крамм считал, смертельным²⁰.

Брауншвейгские дипломаты играли принципиальную роль в осуществлении брачного проекта 1732–1739 гг. Через них происходит установление и поддержание контактов между дворами в Вольфенбюттеле и Санкт-Петербурге. При этом для удачной, способствовавшей достижению желаемого результата коммуникации было мало убежденности герцогов в верности этих лиц. От членов брауншвейгской дипломатической миссии фактически требовалась верность еще одному — неофициальному — патрону в России, каковым для них являлся А. И. Остерман. В этом отношении можно говорить, что аккредитованные в 1727–1741 гг. при русском дворе посланники вольфенбюттельского двора были остермановскими креатурами. Подобное наблюдение, в принципе, не отличается особой новизной. Поменять в этом отношении стоит лишь ракурс рассмотрения. До сих пор исследовательское внимание фо-

---

¹⁷ NLA WF. 1 Alt. 22. Nr. 786. Bl. 77 v.

¹⁸ NLA WF. 1 Alt. 22. Nr. 787. Bl. 33 v., Bl. 84 r., Bl. 88 r., Bl. 209 v. — 210 r.

¹⁹ NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 259. Bl. 71 v.

²⁰ NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 278. Bl. 43 r.

кусировалось на профессоре, почему-то уволившемся из Академии наук ради вступления на должность легационс-секретаря в брауншвейгской дипломатической миссии при русском дворе. Трагические обстоятельства его кончины и якобы находившаяся рядом с трупом записка со словами «пожертвовать своей жизнью — наименее значительная потеря, которую пришлось терпеть»²¹ сделали Х. Ф. Гросса в глазах исследователей, как уже говорилось, «всезнающим» хранителем судьбоносной тайны. Однако архивные документы не свидетельствуют о какой-то особой его посвященности. Так, в переписке Гросса турбулентные события ноября 1741 г. практически не отражены, не упоминаются в них ни встречи, состоявшиеся 3 и 4 ноября в доме Остермана с целью урегулирования вопроса престолонаследия, ни намеки, оповещающие о заговоре в преддверии случившегося в ночь на 25 ноября переворота. Вместо этого мы находим в письмах подробные описания приема при дворе персидской делегации, приехавшей к удивлению и неизгладимому восторгу всего придворного общества в российскую столицу с четырнадцатью слонами. В своих докладах Гросс рассказывает о другой состоявшейся в эти дни в доме Остермана встрече. Однако на ней не обсуждались будущее страны и престола, поскольку в тот вечер собрались представители шаха, кутившие кальян в гостиной Андрея Ивановича²².

Если учесть подобные наблюдения, причины суицида Х. Ф. Гросса предстанут в другом свете. Возможно, его в большей степени тревожило физическое состояние, нежели знание; тяготы, связанные с арестом, допросами и последовавшей за этим ссылкой он вряд ли бы пережил, вынужденный при этом переносить немалые моральные и физические мучения. Какие-то тайны он мог знать. В то же время по природе своей он был человеком тревожным, склонным видеть тайны и там, где, по всей вероятности, их не было. Большая часть его переписки зашифрована; чем дальше, тем чаще без очевидной необходимости и системы Гросс продолжал неустанно

²¹ *Hempel Ch.F.* Merckwürdiges Leben und Trauriger Fall des Weltberufenen, Russischen, Staats-Ministers Andreä Grafen von Ostermann...: Aus sichern Nachrichten umständlich... beschrieben. Bremen, 1742. S. 171.

²² NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 259. Bl. 176 v. — 177 v.

рапортовать из «203» (Санкт-Петербурга) в «205» (Вольфенбюттель). Маловероятно, что такая форма коммуникации была выбрана исключительно ради развлечения; Гросс не являлся игроком, и его переписка легкостью не отличается. Наоборот, в решающие для исхода брачного проекта месяцы зимы 1738–1739 гг. в его письмах чувствуется растущее напряжение, отчасти переходящее на грань истерики, когда он снова и снова подчеркивал, что Э. И. Бирон, если он будет препятствовать заключению брака, привлечет к себе «ненависть императрицы и всей российской нации»²³.

Для успеха внешнеполитических целей А. И. Остермана требовалась определенная констелляция межгосударственных отношений; дополнительным для сохранения политического и морального статус-кво гарантом являлся, как уже говорилось, наследник престола из дружественной Австрии династии. В период с воцарения Петра II в мае 1727 г. до смерти последнего в январе 1730 г. была желаемая ситуация: молодой император был не только внуком Петра I, но и племянником венского кайзера Карла VI. В это же время началось заметное сотрудничество Остермана с приехавшим для участия в коронационных торжествах брауншвейгским посланником Августом Адольфом фон Краммом. Пребывание последнего в России затянулось; вместо запланированных трех-четырёх месяцев он оставался там почти четыре года. Три раза, дважды в 1728 г. и один раз в 1729 г., Остерман обращался к герцогу Людвигу Рудольфу и его супруге, герцогине Кристине Луизе, с достаточно настойчиво сформулированной просьбой пока не отзываться фон Крамма из России²⁴. Почему присутствие фон Крамма при русском дворе оказалось столь необходимым, из документов неясно. Немецкий историк и религиовед Х. Клуэтинг, исследовавший в 1970-е гг. жизнь и судьбу А. И. Остермана в России, предположил, что дело было связано с противостоянием при дворе так называемой немецкой партии и старомосковского дворянства²⁵.

---

²³ NLA WF. 1 Alt. 22. Nr. 787. Bl. 19 r.

²⁴ NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 224. Bll. 39 r. — 40 r.; Bll. 41 r. — 42 v.; Bl. 45 v.-r.

²⁵ *Klueting H.* Graf Ostermann — ein Westfale als verantwortlicher Leiter der russischen Außenpolitik in den Jahren 1725 bis 1741 // *Westfälische Zeitschrift*. 1976/77 (Nr. 126/127) / Internet-Portal “Westfälische

Что касается антагонизма двух группировок, он, конечно, ошибся; точка зрения о существовании таковых не получила подтверждения²⁶. Не исключено, однако, что некую роль играло влияние Долгоруковых на воспитание Петра II. Пример А. Д. Меншикова показал, что излишняя придирчивость к образу жизни молодого императора не совсем безопасна, и именно такое поведение в итоге поспособствовало меншиковским врагам в его удалении из столицы. В связи с этим Остерман, являвшийся официальным наставником Петра II, видимо, решил выполнять свои обязанности с максимальной тактичностью. Интуиция его не подвела. Старания осенью 1728 г. вновь назначенного венского посланника графа Франца Карла фон Вратислава действовать согласно инструкции Карла VI, то есть оказывать моральное воздействие на племянника, молодой император воспринял с едва прикрытым отвращением²⁷. Поддержать австрийского дипломата и восстановить его репутацию в глазах императора вовсе не входило в планы Остермана. Планы, согласно наблюдениям С. Мюллер-Урига, у него были другие: вместе с фон Краммом они разработали стратегию связать Петра II или его сестру Наталию с брауншвейгским двором посредством заключения династического брака²⁸.

После смерти Петра II, возведения на престол Анны Иоанновны и восстановления самодержавия присутствие А. А. фон Крамма при русском дворе перестало быть необходимым. В феврале 1731 г. он вернулся в Германию, поддержание прямой связи с Вольфенбюттелем было вверено рекрутированному для этой цели Х. Ф. Гроссу.

Geschichte“. S. 61–90. URL: <http://www.westfaelische-zeitschrift.lwl.org> (15.03.2021).

²⁶ *Fedyukin I.* The “German Party” in Russia in the 1730s: Exploring the Ideas of the Ruling Faction. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 132/HUM/2016.

²⁷ *Steppan Ch.* Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016. S. 402–457.

²⁸ *Müller-Uhrig St.* Wer regiert Russland? Aufbegehren des russischen Adels 1730 als vermeintliche Gefährdung der Monarchen Europas. Wien: Böhlau Verlag, 2021. (Schriftenreihe der Österreichischen Gesellschaft zur Erforschung des 18. Jahrhunderts. Bd. 20.) S. 220.

Примерно с 1732 г. привилегированное положение А. И. Остермана при дворе постепенно утрачивалось; ситуации непосредственного контакта с императрицей случаются все реже, а вместе с ними и уменьшается возможность достичь своих целей наименее сложным и формализованным способом. В это же время растет влияние обер-камергера Э. И. Бирона. Фаворит митавских дней, в Санкт-Петербурге продолжавший заменять императрице семью, стал политически влиятельной фигурой; с мнением обер-камергера приходилось считаться. Бирон, поскольку «будущее заведомо не несло фавориту стареющей императрицы ничего хорошего»²⁹, как метко отмечает Е. В. Анисимов, меньше всех был заинтересован в изменении статус-кво. Любой приведенный ко двору кандидат ему не пришелся бы по вкусу, а «худенький, белокурый, женоподобный юноша»³⁰ оказался легкой жертвой. К кампании для подрыва репутации принца подключился Клавдий Рондо. Английский резидент при русском дворе, получивший инструкцию любой ценой препятствовать свадьбе Антона Ульриха с племянницей императрицы, с готовностью распространял слухи о непригодности брауншвейгского принца и по характеру, и по состоянию здоровья³¹.

Противопоставить растущему противодействию Христиану Фридриху фон Книшtedту (1700–1765), сопровождавшему принца в российскую миссию дипломату, было нечего. Тайный легионс-советник до поездки в Россию в основном представлял интересы брауншвейгских герцогов на рейхстаге в Регенсбурге³² и, естественно, не имел собственной партии при русском дворе, а А. И. Остерман, его контактное лицо в Санкт-Петербурге, не мог или не хотел его поддержать, считая его бесперспективным в этом деле, осуществление которого оказалось гораздо сложнее, чем изначально предполагалось. Расспросы Книшtedта о продвижении

---

²⁹ Анисимов Е. В. Иоанн VI Антонович. С. 25.

³⁰ Там же.

³¹ Lewin L. Herzog Anton Ulrich der Jüngere in Rußland bis zu seiner Verbannung. S. 227.

³² Bei der Wieden B. Wolfenbüttler und Blankenburger Gesandte. S. 92–93.

проекта, во всяком случае, начали его раздражать, что подтолкнуло его к следующей несколько грубоватой реплике: «Принцессу мекленбургскую получит никто иной, и иметь ее должен никто иной, чем Ваш принц Антон Ульрих»³³.

В итоге практически готовый брачный контракт остался неподписанным, и к лету 1733 г. подчеркнуто оптимистический тон, отличавший переписку Х. Ф. фон Книшtedта, иссяк. Терпеть направленные против него выпады Э.И. Бирона было превыше его сил, так что он попросил о досрочном отзыве из Санкт-Петербурга. В октябре 1733 г. состоялась его прощальная аудиенция, и спустя некоторое время он отправился в Германию³⁴. Антона Ульриха оставили в России, но из списков гостей императрицы его имя исчезает. До осени 1738 г., как утверждал Александр Лаврентьев, проверивший журналы «Придворной конторы, на знатные при дворе ее императорского величества оказии» за соответствующие годы, на празднества — балы, приемы, обеды и охоты — императорская семья принца больше не приглашала³⁵.

Изначальное засекречивание миссии Антона Ульриха характеризует контекст, в котором она протекала: он являлся чрезвычайно важной фигурой в запутанных политических играх европейских держав. Кандидату, состоявшему в родственных отношениях с династией Габсбургов, успех дела вовсе не был гарантирован. Учитывая отсутствие у Карла VI потомков по мужской линии, противники Вены хорошо осознавали возможности обратиться Прагматическую санкцию 1713 г. в свою пользу и в случае необходимости с применением военной силы. К тому же они, естественно, не могли быть заинтересованы в том, чтобы Россия на стороне Вены вступила в ожидаемую в скором времени войну за австрийское наследство. Сложностей по достижению цели принцем Антоном Ульрихом, или, вернее, целей, которые связывали другие с его лицом, оказалось больше, чем ожидалось первоначально.

³³ NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 272. Bl. 109 r.

³⁴ *Lewin L.* Herzog Anton Ulrich der Jüngere in Rußland bis zu seiner Verbannung. S. 231.

³⁵ *Lavrentev A. V.* Prinz Anton Ulrich in Rußland bis zum Sturz des Hauses Braunschweig. S. 96–97.

Отметим, что принц Антон Ульрих, то есть проавстрийский кандидат в женихи для племянницы Анны Иоанновны, являлся не единственным претендентом на эту роль. В 1731 г. графу Карлу Густаву Левенвольде, российскому «министру» при венском и прусском дворах, было поручено устроить своеобразные смотрины. Первичный отбор тогда прошли два выходца из ведущих европейских династий — родственник прусского короля маркграф Карл Альбрехт, старший сын Альбрехта Фридриха Бранденбург-Шведтского, и «беве́рнский Антон Ульрих». За последнего, если верить словам Э.И. Бирона, выступал именно граф Левенвольде. А.И. Остерман же, когда по возвращении Левенвольде в Россию обсуждался вопрос о выборе жениха, отдавал предпочтение прусскому принцу³⁶. Впрочем, в записке, написанной Остерманом примерно в 1731–1732 гг., предлагалось вызвать в Санкт-Петербург обоих принцев, после чего Анна Иоанновна «сама того выбрать могла, который счастья ее императорскому высочеству наиболее достоин явится»³⁷.

После прибытия Антона Ульриха в Россию А.И. Остерман продолжал размышлять с учетом менявшихся обстоятельств над внесением корректив в планы, связанные с обеспечением престолонаследия. Об этом свидетельствует хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов в фонде 3 «Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России» записка³⁸. Документ, хотя не снабжен ни подписью, ни датой, по всей вероятности, принадлежит перу А.И. Остермана. Он был составлен, как следует из отсылки в нем к «нынешнему двойному между прус-

---

³⁶ К этому эпизоду см. записку с названием «заключение Э.И. Бирона, отправленное из Ярославля в Дрезден». NLA WF. 1 Alt. 6. Nr. 271. Bl. 154 v. — 162 v. Здесь: Bl. 155 v.

³⁷ *Левин Л.И.* Генералиссимус зарыт в Холмогорах. История «Брауншвейгского семейства» в России. С. 37.

³⁸ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–7 об. За предоставление документа выражаю благодарность М.А. Киселеву. См. также публикацию этой записки, вышедшую, когда настоящая книга находилась в издательстве: *Анисимов Е.В.* Транзит власти в послепетровской России: судьба трона императрицы Анны Иоанновны // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9. № 3.

ским и бевернским домами заключенному супружеству»³⁹, не раньше июля 1733 г. и, судя по отражавшемуся в нем настроению под свежим впечатлением первых событий войны за польское наследство (1733–1735), ненамного позже⁴⁰. С отзывом Х. Ф. фон Книшtedта из Санкт-Петербурга и проблемами у принца Антона Ульриха при дворе брачный проект был не то чтобы отменен, но приостановлен. Такая ситуация давала все основания сомневаться в прочности действовавшего для урегулирования престолонаследия законодательства, т. е. устава о престолонаследии от 16 февраля 1722 г. и манифеста от 17 декабря 1731 г. Соответственно, возникла потребность вернуться к рассмотрению альтернативного кандидата в женихи. С учетом всего этого Остерман первым делом, подозревая, что «у голштинского принца», т. е. Карла Петера Ульриха, сына дочери Петра I Анны и герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, «или тетки», т. е. Елизаветы Петровны, «быть мочи и силы ... не будет, а охоту всегда иметь будут»⁴¹, предлагал избавиться от присутствия при дворе Елизаветы Петровны, выдав «оную за одного отдаленного чужестранного и особливо за такого принца ..., от которого никогда никакое опасение быть не может»⁴². Что же касается будущего Анны Леопольдовны, он в итоге высказался за укрепление «коннекции» между русским и прусским домами. С изменением направления внешнеполитических интересов именно защита «нынешняго российского владения и утверждения при Балтийском море»⁴³ оказывалась на первом плане, и гарантом для реализации цели должен был служить брачный союз с каким-то из прусских принцев.

---

³⁹ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 5. В июне 1733 г. прусский кронпринц Фридрих женился на Елизавете Кристине, дочери герцога Брауншвейг-Беверна Фердинанда Альбрехта, а в июле того же года его старший сын Карл женился на сестре кронпринца Филиппине Шарлотте.

⁴⁰ См. об отношениях России с другими европейскими державами в начальной фазе войны за польское наследство: *Нелитович С. Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 88–174.

⁴¹ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 2.

⁴³ Там же. Л. 4–4 об.